

УДК 398:821.512.157-1.09
DOI 10.25587/SVFU.2022.16.81.001

Н. В. Покатилова

Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН

ПОЭТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ: МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. До сих пор одним из сложнейших в проблеме специфики фольклора остается вопрос о степени выраженности или полного отсутствия в нем поэтического начала. На материале фольклорного собрания двух экспедиций (1938–1940 гг.) якутского исследователя А. А. Саввина предпринят опыт описания поэтизмов якутской устной традиции. В цели и задачи статьи входит анализ собственно фольклорных вариантов, зафиксированных А. А. Саввиным, в аспекте выявления в них поэтического начала, что определило структурно-типологический метод исследования. В фольклорных записях А. А. Саввина обнаруживается устойчивый слой архаических текстов, отличающихся отчетливой структурированностью поэтического плана. В связи с этим выдвинуто предположение о том, что одним из критериев отбора этих вариантов стало наличие в них поэтического начала, что позволяет рассматривать их в качестве поэтизмов архаического происхождения. Поэтическое начало в них выражается большей частью через форму и ее элементы (формулы, организация строки-стиха, повторы и параллелизмы и др.), охватывая в целом структурное развертывание всего текста. В результате анализа установлено, что наличие поэтического начала в тексте не зависит от его жанра и объема, а источником такой функциональности является поэтический язык традиции в целом, когда из этого общего наследия заимствуется арсенал поэтических средств. В то же время поэтическое начало в фольклоре принципиально отличается от *поэтической функции* (термин Р. О. Якобсона) в литературном тексте, оно тесно связано с одной стороны, с мифопоэтическим началом в самой традиции, являясь одной из форм его текстового выражения; с другой стороны, с «устной» природой фольклора и его скрытой поэтикой, в отличие от явно выраженной поэтики литературы. Тем самым проблема поэтического начала в фольклоре выводит на плоскость разграничения двух разных типов поэтики и, соответственно, различия фольклорного и литературного типов текста.

Ключевые слова: устная традиция; устный текст; поэтическое начало; поэтический язык; поэтическая функция; историческая поэтика; имплицитная поэтика фольклора; мифопоэтика; чабыргэх; предание.

Благодарности: Автор благодарит за использование научного оборудования Центр коллективного пользования (ЦКП) Федерального научного центра «Якутский научный центр Сибирского отделения РАН» в рамках гранта № 13.ЦКП21.0016.

ПОКАТИЛОВА Надежда Володаровна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия. ORCID: 0000-0002-2869-1400; Scopus Author ID: 57211352124; Researcher ID: J-7867-2018.

E-mail: pnv_ysu@mail.ru

ПОКАТИЛОВА Nadezhda Volodarovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of Folklore and Literature Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. ORCID: 0000-0002-2869-1400; Scopus Author ID: 57211352124; Researcher ID: J-7867-2018.

E-mail: pnv_ysu@mail.ru

N. V. Pokatilova

Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS

Poetic origins in folklore text: mythopoetic aspect

Abstract. One of the most difficult questions in the specifics of folklore is still the question of the extent of expression or complete absence of poetic or artistic origins within it. On the material of the folklore collection of two expeditions (1938–1940) of Yakut researcher Andrei Andreevich Savvin, an attempt is made to identify and describe the poetisms of the Yakut oral tradition. The aims and objectives of the article include the analysis of folklore variants proper, recorded by Savvin, in the aspect of discovering the poetic origins in them, which determined the structural and typological method of research. In the folklore recordings by Savvin, a stable layer of archaic texts is found, which are distinguished by a distinct structured poetic plan. In this regard, it was suggested that one of the criteria for selecting these variants was the presence of a poetic origin in them, which allows us to consider them as poetisms of archaic origin. The poetological in them is expressed for the most part through the form and its elements (formulas, the organization of a line-verse, repetitions and parallelisms, etc.), covering the whole structural deployment of the entire text. As a result of the analysis, it was found that the presence of a poetic origin in a text is not contingent on its genre and volume, and the source of such functionality is the poetic language of the tradition as a whole, when an arsenal of poetic means is borrowed from this common heritage. At the same time, the poetic origin in folklore is fundamentally different from the poetic function (Roman Jakobson's term) in a literary text; on the one hand, it is closely connected with the mythopoetic origin in the tradition itself, being one of the forms of its textual expression; on the other hand, with the "oral" nature of folklore and its hidden poetics, in contrast to the explicit poetics of literature. Thus, the problem of the poetic origin in folklore brings us to the plane of delimitation of two different types of poetics and, accordingly, the differences between folklore and literary types of text.

Keywords: oral tradition; oral text; poetic origins; poetic diction; poetic function; historical poetics; implicit poetics of folklore; mythopoetics; chabyrkhakh; legend.

Acknowledgements: Author gratitude to Shared core facilities of the Federal Research Center "Yakutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences" for the opportunity to conduct research on the scientific equipment of the Center under grant no. 13.SCF21.0016.

Введение

Определенную нишу в современной филологии продолжают занимать исследования, связанные со спецификой и взаимодействием двух типов текста: фольклорного и литературного. До сих пор одной из сложнейших остается не только проблема их разграничения, но и разная степень выраженности в них поэтического начала. Как правило, наличие «поэтического» в большей мере ассоциируется с литературой, поскольку, по сравнению с ней, в устной традиции, если не отсутствует *поэтическая функция* (в терминах Р. О. Якобсона [1]) как таковая, то, по крайней мере, она слабо выражена, не является приоритетной по отношению к другим функциональным возможностям устного текста.

С начала XX в. в исследованиях, развернувшихся не без влияния идей Ф. де Соссюра об анаграммах и других ритмических закономерностях стиха [2, с. 639–649, 569–582], понятие *индоевропейского поэтического языка* стало синонимом открытия и разработки целого направления по реконструкции и изучению поэтических форм, в первую очередь – в области метрики стиха, в разных устных и раннеписьменных традициях (А. Мейе, Р. Шмитт, К. Уоткинс, Г. Надя, В. В. Иванов, В. Н. Топоров, О. А. Смирницкая и др.). Типологические исследования метрических, языковых и других закономерностей функционирования поэтического языка и его форм до сих пор остаются актуальными и востребованными в силу возможностей их проецирования на любую архаическую традицию.

В отечественной филологической науке то направление в исследовании исторической поэтики, которое было начато А. Н. Веселовским и продолжено В. М. Жирмунским, М. И. Стеблин-

Каменским и Е. М. Мелетинским и их научными школами, давало возможность исходить из типологической специфики самого материала, являющегося выражением стадияльно наиболее *раннего* этапа в становлении поэтической традиции.

В этой связи В. М. Жирмунским впервые было высказано предположение об архаичности в типологическом плане эпического стиха тюрков Южной Сибири, а в этом контексте – якутского эпического стиха, сохранившего общетюркскую основу [3, с. 651–655, 668]. В трудах Е. М. Мелетинского якутский эпос олонхо специально рассматривался при систематизации им эпических традиций народов Сибири [4, с. 247–375], что позволило наметить новые типологические перспективы в их изучении. Оба исследователя дали концептуальное обоснование типологических разработок при изучении разных национальных традиций как в аспекте метрики стиха и разграничения стихотворной и прозаической форм в устных текстах [3, с. 680], так и в аспекте архаических типов героя и связанной с этим сюжетной организации эпоса [5, с. 365–373]. Обращение в этой связи к указанной типологической методологии является вполне обоснованным.

Целью статьи является типологический анализ наиболее архаических фольклорных вариантов якутской традиции в аспекте выявления в них (мифо)поэтического начала. В конкретные задачи исследования входит рассмотрение в плоскости «поэтического» наиболее архаических вариантов малых (*чабыргак*) и повествовательных жанров (предания Верхоянья), представленных в собрании А. А. Саввина рубежа 1930–1940-х гг. [6, с. 25–35].

В совместной работе Р. О. Якобсона и П. Г. Богатырева (1929 г.) впервые было представлено понимание фольклора и литературы как вполне самостоятельных систем, каждая из которых имеет свою специфику [7]. Размежевание внутренних закономерностей двух форм словесности – устной и письменной – стало возможным, благодаря теоретическому обобщению в работах М. Пэрри и А. Лорда результатов полевых исследований на Балканах. Понятие «устной традиции» в трудах этих исследователей связывалось с самой сущностью эпического исполнения, где основным показателем становится «формульность» поэтического языка [8, с. 14, 42]. В свою очередь в исследованиях М. И. Стеблин-Каменского по древнегерманской поэтической традиции была разработана концепция авторства: «неосознанного» типа на архаической стадии развития словесности и «осознанного авторства», которое приходит ему на смену в литературном творчестве [9, с. 46–48, 144–145]. Эта концепция явилась развитием основополагающего принципа исторической поэтики А. Н. Веселовского – описания закономерностей «унаследованных форм поэзии» [10, с. 317].

Среди теоретических работ отечественной филологии XX в. по разграничению фольклора и литературы (В. М. Жирмунского, П. Г. Богатырева, Е. Д. Поливанова, В. Н. Топорова, В. В. Иванова, Е. М. Мелетинского, С. Ю. Неклюдова и др.) особо следует отметить обобщающие исследования Е. Д. Поливанова по поэтике [11, с. 318–500] и «поэтической технике» [12]. Впервые в поле зрения исследователя оказываются принципиально разные языковые традиции в аспекте функционирования в них поэтических форм. В работах Е. Д. Поливанова представлен анализ поэтики и форм ее проявления, начиная от структуры японских загадок и симметрии тонов в китайском стихосложении [13, с. 306–309, 310–314] и заканчивая условиями акцентуации тюркской (шире – «общепалтайской») аллитерации в стихе [14]. Во всех случаях поиск исследователем исходных языковых параметров и закономерностей, обусловивших то или иное явление поэтики, приобретает определяющее значение. По мнению исследователя, поэтическое начало может быть выражено через «симметричные закономерности», проявляющиеся на разных уровнях поэтической системы в целом [13, с. 312, 350–351]. Е. Д. Поливанов во многом предвосхитил особую область исследований языка и поэтики в аспекте как внутренней реконструкции архаических форм [15, с. 20–21, 157–159], так и разработки приемов их анализа на стыке разных гуманитарных дисциплин.

Одним из продолжателей поливановских идей в области поэтики стал Р. О. Якобсон. Через всё научное, разноплановое по междисциплинарному охвату, наследие Р. О. Якобсона

проходит идея поисков форм эксплицирования в тексте собственно *поэтического* начала в разных типах словесного творчества, в том числе – в фольклорном. Яркое подтверждение этому – один из блестящих его анализов устного текста [16, с. 106–127]. Впоследствии предпринятая Р. О. Якобсоном реконструкция архаических форм праславянского стиха, выведение линии его преемственности с общеиндоевропейским стиховым наследием позволили поставить вопрос о метрических эквивалентах выражения поэтического начала в реконструируемой им традиции. Разработанный исследователем инструментарий на общеславянском материале был направлен на раскрытие закономерностей не только метрического, но и широкого поэтологического порядка, обозначив тем самым специфику поэтики собственно фольклорного текста [16, с. 24–47]. Аналитический подход Р. О. Якобсона оказался вполне применимым к наиболее архаическому в типологическом смысле материалу, что показали последующие исследования индоевропейского поэтического языка, древнегерманской, древнеиндийской и древнегреческой поэтических традиций в работах В. В. Иванова, В. Н. Топорова, Г. Надя, П. А. Гринцера, О. А. Смирницкой и др., среди которых следует выделить одну из последних работ В. Н. Топорова [17] и работу О. А. Смирницкой [18]. Обоих исследователей отличает методологически значимый интерес к целостности функционирования отдельной поэтической традиции. Обращение в этой связи к «частному» материалу с использованием существующих разработок типологического плана представляется актуальным.

Теоретическая значимость исследования в данном случае определяется возможностью экстраполяции на якутский фольклорный материал обозначенной типологической проблематики; применения по отношению к этому материалу такого подхода, когда не только литературная, но и фольклорная традиция предстает как определенная совокупность текстов с учетом специфики «устного характера» фольклора, в его лордовском понимании [8, с. 13, 14].

В работе используется структурно-типологический метод анализа вариантов и текстов якутской устной традиции.

Объектом специального изучения являются рукописные записи А. А. Саввина устных текстов, зафиксированные им во время экспедиций по вилюйской группе районов (1938 г.) и по северным районам Якутии (1939–1940 гг.) и хранящиеся в Архиве Якутского научного центра СО РАН¹. Уникальность этого корпуса вариантов обусловлена тем, что одним из ключевых в отборе «текстового» материала стал принцип целенаправленной фиксации исследователем наиболее архаичного слоя «живой» (на тот момент) устной традиции [19]. Из всего массива вариантов в записях А. А. Саввина в данном случае отобраны: с одной стороны, материал одного из малых жанров якутского фольклора – *чабыргах*, а в нем – «краткая», наиболее архаическая, на наш взгляд, и потому исходная форма этого жанра (более 40 вариантов), получившая распространение в вилюйской группе районов; с другой стороны, материал жанра преданий (17 вариантов), собранных в Верхоянском районе.

Архаические формы малых жанров в «вилюйском» собрании А. А. Саввина

В материалах А. А. Саввина, полученных уже в ходе его первой – Вилюйской – экспедиции, обнаруживается достаточно устойчивый круг устных текстов разных жанров, репрезентирующих, согласно Ф. де Соссюру, «основание <...> чисто поэтическое» [2, с. 642]. Речь идет об архаических по своему происхождению текстах, отличающихся особого рода структурированностью.

В первую очередь это относится к так называемым *малым жанрам*, не ограничивающимся в данном случае рамками паремий (типа пословиц или поговорок). К ним следует отнести широко представленный в вилюйском собрании А. А. Саввина жанр *чабыргах* и его архаические разновидности (от детских считалок с числительными до пространственных текстов «пустословия»

¹ Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (РФ АЯНЦ СО РАН). Ф. 5, оп. 3, ед. хр. 87, 100, 468.

– *лабысха*), распространенные преимущественно в виллойской традиции и лишь отчасти зафиксированные в «северных» (в широком значении) традициях.

В отличие от развернутых, «описательных» или повествовательных разновидностей *чабыргах*, обратимся к наиболее показательной, его «краткой форме», восходящей, по предположению А. А. Саввина, к «угасающей» традиции древних культовых речений. Она характеризуется частым совпадением метрического и синтаксического членения строки, как следствие этого, отчетливой выделенностью «короткого стиха». В то же время каждый стих в этой форме имеет, как правило, формульную или иную (чаще всего – звуковую) связанность. Тем самым якутский *чабыргах* отчетливо демонстрирует основной параметр формулы – ее метрическую обусловленность, согласно «устной теории» Пэрри-Лорда. «Краткая форма» жанра отличается достаточно строгой структурой «короткого стиха» в 2+2 слога (вариации: 2+3; 3+2; 3+3; 4+2; в концовке: 3+2+3; 3+3+2 – с именем собственным).

Мифологическое в этой форме *чабыргах* дано в виде формульного разворачивания текста, при этом имеет место или актуализация свернутого мотива «творения», или последовательное мифоритуальное расчленение тела птицы-животного-человека. Перечисление частей тела в каждом «коротком стихе» строго регламентировано движением в большинстве примеров «сверху вниз» («от клюва к хвосту»), но в редких случаях – ступенчатым движением «снизу вверх» («от части бедра к груди, к спине и к плечам»). Космогоническая модель мира соотносится в данном случае с частями тела птицы (вариации: животного/человека). Своеобразной кульминацией устного текста становится, как правило, отмеченный аллитерацией и/или ассонансом звуковой повтор, в который может вовлекаться или имя собственное (*Чохоччукаан эмээхсин!*), или космогоническая реплика (*Чуо-чуо Чолбон!*), или заклинательная формула (*Тун-танг түс!*), или парное словосочетание (*Эргэн-дэргэн!*), в котором одно из слов не имеет смысла и др. Подобные образцы жанра, несмотря на непонятность и порой «бесмыслицу» ритуально-магического происхождения [20, с. 330], отличаются вместе с тем однотипной структурой и скрытой повествовательностью мифоритуального происхождения.

Все приведенные А. А. Саввиным варианты объединяет принцип формульного структурирования текста. Для метрики *чабыргах* характерна тенденция к сохранению слова (в широком понимании) в качестве относительной целостности. Речь в этом случае идет о слове не как о единице предложения, а как о «слове в функции формулы, в определенной метрической позиции» [21, с. 173]. В стихе *чабыргах* каждый раз воспроизводится словосочетание как единица поэтического языка.

Аллитерация в «краткой форме» нерегулярна, иногда вовсе отсутствует, хотя даже в случае своей фрагментарности и частой замены ассонансом, она отмечает метрический ранг отдельных слов внутри «короткого стиха», чаще всего – это может быть «имя собственное» (*Доропуун ойуун!*; *Доргуой удабан!*).

Исследовательский подход А. А. Саввина при отборе вариантов был связан с его представлениями об архаичности, когда существенное значение приобретает *поэтическая форма* того или иного жанра как определенной последовательности построения, поскольку именно в «форме», по его мнению, сосредоточен для сказителя момент «новизны (нового)», то есть возможности каких-либо изменений импровизационного плана при исполнении им устного текста¹.

Сопоставительный анализ жанровых разновидностей *чабыргах* в виллойских и северных материалах дает основания для предположений об изменениях в эволюции жанра. Так, в материалах Северной экспедиции А. А. Саввина фиксируется появление особого подвида (букв.: «чабыргах человека»), в последовательности формул которого начинает как бы размываться и теряться «имя собственное», несмотря на антропный принцип его построения, и намечается едва заметный сдвиг от традиционно «говорной» формы в сторону «песенной».

¹ Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (РФ АЯНЦ СО РАН). Ф. 4, оп. 12, ед. хр. 90, л. 8.

В целом в экспедиционных материалах А. А. Саввина отмечается достаточно дифференцированный подход к охвату жанров фольклора в данном регионе, что обосновывается, на наш взгляд, стремлением представить свидетельства наиболее архаического состояния традиции. Для А. А. Саввина зафиксировать редкую, мифологического происхождения, «малую» форму, восходящую к древним культовым речениям, значительно важнее, чем представить всё множество вариантов. Указанные особенности свидетельствуют о том, что исследователь все же ставил перед собой задачу реконструкции архаического прошлого, то есть «стадии угасания», по его выражению, той или иной жанровой традиции. Одним из таких образцов жанра является так называемая «краткая форма» *чабыргях*, представленная в вилюйском собрании А. А. Саввина.

Локальная традиция верхоянских преданий в «северном» собрании А. А. Саввина

Устойчивость мифопоэтической основы определяет также повествовательные жанры якутской традиции. Доминирует в этом плане, разумеется, эпический жанр якутского олонхо, с сложившейся системой исполнения, в основе которой сочетание «пения» и «речитатива».

В Верхоянском районе, одном из первых среди восьми северных районов, по которым пролегал маршрут Северной экспедиции, уже фиксировалась развитая эпическая традиция, первые образцы которой были записаны политехсильным И. А. Худяковым в конце XIX в. и изданы Э. К. Пекарским в самом начале XX в. А. А. Саввин записал в Верхоянске одно полное олонхо и краткое изложение одного эпического сюжета, но при этом им был собран уникальный в своем роде материал, связанный с внетекстовыми данными эпической традиции: это биографические и анкетные сведения, данные о сказительских школах и впервые произведенный учет эпических сказителей Верхоянского района, что стало базовой основой последующего системного исследования якутской эпической традиции вообще.

Несмотря на приоритетность эпоса олонхо, особое внимание А. А. Саввина в этом районе привлекли именно «верхоянские» *предания*, ставшие в этом плане своеобразной альтернативой *эпосу* в его материалах по Северной экспедиции (1939–1940 гг.).

В ходе этой экспедиции внимание исследователя было направлено преимущественно на периферию жанрового развития традиции в ее локальных проявлениях. Именно этим был обусловлен отбор А. А. Саввиным наиболее архаических форм и жанров более *раннего* происхождения. И архаизмы такого плана не всегда ассоциировались с «ведущими» жанрами, характерными для центральных районов Якутии. Исследовательский подход А. А. Саввина сложился под влиянием представления о возможности фиксации тех именно устных текстов, которые связаны с консервацией на Вилюе и на Северо-Востоке Якутии наиболее архаической стадии развития устной традиции, восходящей к ее, возможно, «доэпическому» этапу. Отсюда – интерес исследователя к разнообразию малых, песенных жанровых форм, определяющих специфику и одновременно архаику традиции в этих регионах.

В собрании А. А. Саввина по Верхоянскому району дано целостное представление о фольклоре «верхоянских якутов» (Г. В. Ксенофонов) – локальной группы, которая фактически повторила путь центрального ядра этноса в своем движении «с юга на север». В результате этого переселения выходцев преимущественно из центральных районов Якутии сохранилось традиционное коневодство и связанная с ним мифоритуальная культура в целом, адаптированная к местным климатическим условиям, а основная сюжетная линия нарративов (особенно преданий и даже эпоса, сказок и песен) строится на перипетиях пространственного перемещения «с юга на север», с «теплого» места в «холодное», «из лета в зиму», которое проецируется на мотив выживания рода/племени, человека/семьи в условиях долгой и суровой зимы. Отголоски всего этого, как показывает анализ, опосредованно удерживаются в верхоянской традиции олонхо, в отдельных песенных («Песня лошади», «Родная река» и др.) и малых жанрах (загадки), но более всего и непосредственно – в преданиях, в совокупности определяющих своеобразие верхоянской фольклорной целостности.

Исходя из этого, в данной статье ограничимся рассмотрением верхоянских преданий в записи А. А. Саввина в качестве образцов повествовательного текста.

К существенным реликтам мифологического происхождения следует отнести характерную для преданий временную последовательность. Само время повествования явственно сохраняет отголоски мифологического времени, с акцентуацией «первоначального» или «раннего» времени, отсылающего ко времени «первотворения». В некоторых преданиях точкой отсчета становится «время заселения края» (иногда «время переселения» этнической группы/племени). В структуре преданий о «первых переселенцах» сохраняется исходная мифологическая основа, когда временная протяженность строится в виде отчетливой оппозиции *прошлого/настоящего*, подчиняющей себе всё повествование.

Верхоянские варианты А. А. Саввина отличаются разным объемом повествования: значительные, средние и совсем короткие. Однако даже в кратких преданиях отчетливо прослеживается однотипность их структуры и достаточно строгая композиционная последовательность «рассказывания» («Родословная Батылинских», «Война оленных», «Ногойские», краткий вариант «Хаптагай Боотур» и др.).

В преданиях отмечается структурная соотнесенность начала и конца повествования. Этому вторит композиционное обрамление «начала» и «конца» подчеркнуто *устным* рассказом, сохраняющееся как в ранних преданиях о родоначальниках, выдающихся шаманах и «первых переселенцах» края, так и в относительно поздних повествованиях о легендарных «людях Верхоянья». При всей разноплановости представленных преданий следует говорить о единой и исходной для них текстовой структуре, обусловленной сложившимися именно здесь специфически устными механизмами актуализации каждый раз этого жанра.

Показательно, что известный исследователь якутской эпической традиции Н. В. Емельянов применительно к олонхо выделял «постоянную композиционную структуру» [22, с. 5], выраженную преимущественно в сюжетном построении эпоса. Аналогичная структура может быть выявлена и по отношению к преданиям, но проявляется она, по всей видимости, в их повествовательной основе.

А. А. Саввину удалось зафиксировать автономность происходящих процессов устного текстообразования именно в этой локализации традиции, которая основана, с одной стороны, на продуцировании в преданиях целостного мифологического начала, связанного с этнической памятью локальной группы верхоянских якутов «о переселении с юга на север», об адаптации «первых переселенцев» и сохранении ими коневодческой культуры в стороне «гор и озер Верхоянья». С другой стороны, культурная память закрепляется в устных нарративах, трансформируясь в устойчивое мифопоэтическое начало в них. Это позволяет сформироваться такому типу нарратива, как верхоянские предания, отличающемуся однотипностью композиционного построения и сложившейся в локальных условиях общей повествовательной структурой.

Прозаическая форма, присущая преданиям, выработала тем самым собственные принципы воспроизведения и сохранения мифопоэтической основы текста в виде повествовательно-речевых показателей.

Обращает на себя внимание то, с какой скрупулезностью А. А. Саввин фиксирует в устных текстах имена собственные, топонимы и другие параметры геокультурного плана, точно воспроизводя, с одной стороны, высокий «мифологический» пласт повествования, с другой стороны, специфичную «разговорную» модальность в повествовательной основе преданий. Среди нейтральной в целом лексики прозаических преданий выделяется формульность Имени (персонажа) и Названия местности (или горы/реки/озера), одновременное упоминание имен божеств и духов, покровителей местности, и родословных «людей», восходящих одновременно к небесным божествам и мифологическому «прошлому» (*Үөһээ уолун оҕото* – в значении «сын Неба»), «людей рода», имеющих божественное происхождение «из Верхнего мира» (*Ол Үөһэттэн төрүттээх буолан...*). Во всех случаях имеет место как бы нарочитого сочетания

стилистически «высокого» и «сниженного» планов, что проявляется не только в речи «рассказывающего», но и в самой структуре повествования в целом. Особый механизм «смешения» разных повествовательных планов не вызывает сомнений ни у «рассказывающего», ни у слушателей, что свидетельствует о сформированности в локальной традиции внутренних параметров устного нарратива, которые можно вычлениить в целях «раскрытия закономерностей строения» [23, с. 17].

В результате фактически воссоздается, с одной стороны, стихия устной речи с ее диалектными различиями вплоть до фонетического и интонационного уровня, с другой – глубинное проникновение в ткань повествования мифологических смыслов и символов мифоритуального происхождения, что, в частности, находит выражение в звуковых повторах от аллитерации до ассонанса, от звукоподражания к парным словам, в разновидностях параллелизма от ритмического к синтаксическому, в использовании антитез (верх/низ) и сравнений в пределах прозаического текста.

Показателен в преданиях упор на имени собственном, фигурирующем чаще всего в процессе устного «рассказывания». Формульность имени персонажа (*Буор Баттах Бадьай ойуун*) именно в прозаическом повествовании, его отмеченность разного рода звуковыми повторами (от аллитерации до ассонанса) формируется, на первый взгляд, по аналогии с именем эпического героя (*Хантабай Баатыр*, *Өккөрү Баатыр*). В преданиях могут встречаться имена богатырей, построенные, казалось бы, по той же модели, что и в эпосе, однако мотивировка имени, как правило, не всегда получает развитие в сюжете повествования, не закрепляется в системе повторяемости и формульности прозаического текста в целом. В ряде случаев богатырское имя персонажа (*Хантабай Баатыр*) слабо мотивируется и не подтверждается его «богатырскими» подвигами, персонаж «с именем» остается почти таким же, как и все остальные действующие лица. При этом один и тот же богатырь «с именем» может довольно часто встречаться в разных вариантах (*Хантабай Баатыр*, *Буор Баттах Бадьай* и др.), но функциональная значимость его в сюжете порой колеблется от «нулевой» до всего лишь «второстепенной» роли. Более существенными в предании оказываются персонажи с «родовым именем» (*бухатыр дьон Байдылар*», *Нобойтор*, *Энэлэр* и др.), с самого начала включенные в процесс сюжетного развертывания. Тем самым в преданиях в целом застаем некоторую диффузность имен персонажей и, соответственно, типов героя, свидетельствующей о принципиально *другой*, по сравнению с эпосом, стадии формирования категории Имени в этом типе прозаического повествования.

В преданиях обнаруживаются заметные изменения и в собственно повествовательной основе устного текста. Одним из них является усиление орнаментальности прозаической форме как в стилистическом, так и в структурном плане. Это происходит, с одной стороны, в том случае, когда собственно повествовательно-речевая основа предания («рассказывание» как таковое) несколько отдалается от фабульно-событийной последовательности, что в свою очередь находит выражение в некоторой «украшенности» самой речи рассказывающего и, в редких случаях, в речи персонажа. С другой стороны, предание может включать в себя разного рода иножанровые элементы структурного плана: от малых жанров – это, как правило, составляющие паремий, загадок, от других жанров – особым образом упорядоченный фрагмент, чаще всего – аллитерированный, то есть *стихотворный* в своей основе, контрастирующий с *прозаическим* целым. В качестве примера последнего следует рассматривать своеобразный «перечень имен» в одном из преданий («Энэ төрдө»).

На материале верхоянских преданий, с одной стороны, следует выделить сохранность мифологического ядра, как организующего начала в повествовании, с другой стороны, отметить синкретизм и недифференцированность типов персонажей, незаконченность процессов формулообразования (и не только в имени собственном) и др. Всё это подтверждает представление о том, что в преданиях, как одном из наиболее продуктивных жанровых моделей верхоянской традиции, сохранились свидетельства наиболее ранней стадии сложения собственно повествовательных форм в якутской традиции.

В преданиях в большинстве случаев речь идет о нарративах, в основе которых – совершенно иной принцип построения, связанный, с одной стороны, с мифологизацией событийной последовательности текста, с другой стороны, с актуализацией каждый раз его «правдоподобия», своеобразной «достоверности». Однако эксплицируемая в преданиях достоверность имеет весьма условный характер, приближаясь в каких-то пределах к сказочной концовке амбивалентного плана («было»/«не было»). Подобная финальная концовка может быть встроена и в предание, о чем свидетельствуют относительно поздние его варианты. Предание, несмотря на разного рода напластования, в том числе иножанрового происхождения, тем не менее сохраняет в себе указанное выше продуцирующее начало устного текста.

На материале верхоянских преданий, представленных А. А. Саввиным, следует говорить о структурирующем начале, но уже не в «стихотворном», а в «прозаическом» типе устного текста, в котором постепенная орнаментализация форм «рассказывания» начинает приобретать относительную самостоятельность, что, по всей видимости, указывает на специфически устные, речевые механизмы в качестве особенностей скрытой *мифопоэтики* в данной жанровой модели.

Заключение

Результаты анализа фольклорных вариантов в экспедиционных материалах А. А. Саввина во многом корректируют представление о невыраженности *поэтического* начала в устной традиции. В этой связи не только подтверждается наличие «поэтического» в архаических образцах якутского фольклора, но и в значительной мере проясняется его мифологическая направленность и сущность. На материале наиболее архаических форм малого жанра *чабыргах* и повествовательного жанра *предания* (верхоянской локальной традиции) следует говорить о *поэтическом* начале в фольклоре как особой мифопоэтической доминанте структурирующего плана, которая задействована в продуцировании этого типа устного текста.

Важным оказывается представление о том, что, при всей недостаточной эксплицитности (по сравнению с литературой) поэтического начала в устной традиции, оно приобретает исключительную значимость в продуцировании (создании в момент исполнения) и сохранении устного текста как такового, а внутренние механизмы этого процесса самым тесным образом связаны с исходными формами и единицами наследуемого мифопоэтического языка. К их числу могут быть отнесены разные виды архаических повторов (от амебейных до тавтологических), разновидности аллитерации и предшествующие ей (анаграммы) и последующие виды звуковых повторов (типа внутренней рифмы), метрически организованные или прозаические составляющие жанровых моделей, особого плана формульность и повторяющиеся элементы сюжетной организации и др., что в целом составляет различные формы проявления имплицитной поэтики устного текста. Тем самым «поэтическое» в фольклоре оказывается глубоко связанным с «мифологическим», как структурирующим началом в устной традиции вообще.

Сохранность «мифопоэтического» в устных текстах оказывается обусловленной происходящими диахроническими изменениями в самой традиции, с одной стороны, это «переходность» от архаики к классическим формам фольклора, с другой стороны, широкие процессы деритуализации в ней. Отсюда – и разные способы его выражения в различных жанрах, хотя при этом установлено, что источником мифопоэтической функциональности для всех форм остается единый поэтический язык традиции. Из этого общего наследия заимствуется арсенал поэтических средств независимо от жанра, объема и форм исполнения устного текста.

Эволюция собственно фольклорных жанров (в данном случае – *чабыргах* и *предания*) свидетельствует о тех изменениях, которые происходят в фольклоре в результате процессов деритуализации и, как следствие, демифологизации, что находит выражение в тенденции к смешению «говорных» и «песенных» ориентиров в разных жанрах, в интенсификации стилистических средств и приемов в сторону их орнаментализации (гибридизация форм повествования, элементы формульности и параллелизма в прозаическом повествовании и др.). Такого рода

модификации сказываются и на степени выражения «мифологического» в тексте, и на собственно «поэтической» стороне устного текста. Диапазон диахронических изменений в рассмотренном материале показателен и колеблется от жесткой формульной структурированности «краткой формы» *чабыргах* до орнаментализации собственно повествовательной структуры предания. Анализ рассмотренных жанров и их эволюции в аспекте *мифопоэтического* начала позволяет обозначить перспективы исследования имплицитной поэтики фольклора [24, с. 19] от архаических форм к классическим, в том числе – в их движении от мифопоэтической основы текста к стилистически выраженной орнаментальности фольклора в развитых эпических и собственно сказочных формах.

Литература

1. Якобсон Р. О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика / ответственный редактор Ю. С. Степанов. – Москва : Радуга, 1983. – С. 462–482.
2. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – Москва : Прогресс, 1977. – 696 с.
3. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. – Ленинград : Наука, 1974. – 728 с.
4. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – Москва : Восточная литература, 2004. – 464 с.
5. Мелетинский Е. М. О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. – Москва : РГГУ, 1998. – С. 360–381.
6. Верхоянские якуты: материалы Северной экспедиции А. А. Саввина (1939–1940 гг.) / [составитель Н. К. Данилова]. – Якутск : Офсет, 2022. – 236 с.
7. Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного творчества. – Москва : Искусство, 1971. – С. 369–383.
8. Лорд А. Сказитель / перевод с английского и комментарии Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. – Москва : Восточная литература, 1994. – 369 с.
9. Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. – Ленинград : Наука, 1984. – 246 с.
10. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – Москва : УРСС, 2007. – 648 с.
11. Поливанов Е. Д. Избранные работы: Труды по восточному и общему языкознанию. – Москва : Наука, 1991. – 624 с.
12. Поливанов Е. Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники (1937 г.) // Вопросы языкознания. – 1963. – № 1. – С. 99–112.
13. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. – Москва : Восточная литература, 1968. – 376 с.
14. Поливанов Е. Д. О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми факторами других «алтайских» народностей // Проблемы восточного стихосложения : сборник статей / редколлегия : И. С. Брагинский и др. – Москва : Восточная литература, 1973. – С. 100–106.
15. Иванов В. В. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 202 с.
16. Якобсон Р. О. Работы по поэтике. – Москва : Прогресс, 1987. – 462 с.
17. Топоров В. Н. Пиндар и Ригведа. Гимны Пиндара и ведийские гимны как основа реконструкции индоевропейской гимновой традиции. – Москва : РГГУ, 2012. – 216 с.
18. Смирницкая О. А. Древнегерманская поэзия. Каноны и толкования. – Москва : Языки славянских культур, 2005. – 176 с.
19. Покатилова Н. В. К типологическому открытию «устной традиции»: первый экспедиционный проект академического Института языка и культуры при СНК ЯАССР (1938 г.) // Кунсткамера. – 2021. – № 1. – С. 105–117. – DOI: 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-105–117.
20. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – Москва : Наука, 1974. – 402 с.
21. Левинтон Г. А. Лексика славянских эпических традиций и проблема реконструкции праславянского текста // Текст: семантика и структура / ответственный редактор Т. В. Цивьян. – Москва : Наука, 1983. – С. 152–172.
22. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о защитниках племени / ответственный редактор В. М. Никифоров. – Новосибирск : Наука, СИФ РАН, 2000. – 192 с.

23. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. – Москва : Лабиринт, 2001. – 144 с.
 24. Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. – Москва : Форум, 2015. – 216 с.

References

1. Jakobson R. O. The poetry of grammar and the grammar of poetry. In: Semiotics. Executive editor Yu. S. Stepanov. Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 462–482. (In Rus.)
2. Sussure F. de. Works on linguistics. Moscow, Progress Publ., 1977, 462 p. (In Rus.)
3. Zhirmunsky V. M. Turkic heroic epic. Leningrad, Nauka Publ., 1975, 724 p. (In Rus.)
4. Meletinsky E. M. Origins of heroic epic. Early forms and archaic artifacts. Moscow, Oriental literature Publ., 2004, 463 p. (In Rus.)
5. Meletinsky E. M. About the most ancient type of hero in the epic of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia. In: Meletinsky E. M. Selected articles. Memories. Moscow, RSUH Publ., 1998, pp. 360–381. (In Rus.)
6. Verkhoyansk Yakuts: materials of the Northern expedition of A. A. Savvin (1939–1940). Comp. N. K. Danilova. Yakutsk, Ofset Publ., 2022, 236 p. (In Rus.)
7. Bogatyrev P. G., Jakobson R. O. Folklore as a distinct form of creative work. In: Bogatyrev P. G. Problems of the theory of folk art. Moscow, Art Publ., 1971, pp. 369–383. (In Rus.)
8. Lord A. Singer-storyteller. Moscow, Oriental literature Publ., 369 p. (In Rus.)
9. Steblin-Kamensky M. I. The world of Saga. Becoming literature. Leningrad, Nauka Publ., 1984, 246 p. (In Rus.)
10. Veselovsky A. N. Historical poetics. Moscow, URSS Publ., 2007, 648 p. (In Rus.)
11. Polivanov E. D. Selected works: Works on oriental and general linguistics. Moscow, Oriental literature Publ., 1991, 624 p. (In Rus.)
12. Polivanov E. D. The general phonetic principle of all poetic technique. 1937. *Questions of linguistics*. 1963, no. 1, pp. 99–112. (In Rus.)
13. Polivanov E. D. Articles on general linguistics. Moscow, Oriental literature Publ., 1968, 376 p. (In Rus.)
14. Polivanov E. D. On the reception of alliteration in Kyrgyz poetry in connection with the poetic technique and linguistic factors of other “Altai” peoples. In: Problems of eastern versification: collection of articles. Editorial board: I. S. Braginsky et al. Moscow, Oriental literature Publ., 1973, pp. 100–106. (In Rus.)
15. Ivanov V. V. Linguistics of the third millennium. Questions for the future. Moscow, Languages of Slavic cultures Publ., 2004, 206 p. (In Rus.)
16. Jakobson R. O. Works on poetics. Moscow, Progress Publ., 1987, 462 p. (In Rus.)
17. Toporov V. N. Pindar and the Rig-Veda: pindaric and vedic hymns as base for reconstructing Indo-European hymnic tradition. Moscow, RSUH Publ., 2012, 216 p. (In Rus.)
18. Smirnitckaya O. A. Ancient germanic poetry. Canons and interpretations. Moscow, Languages of Slavic cultures Publ., 2001, 144 p. (In Rus.)
19. Pokatilova N. V. On the typological discovery of “Oral tradition”: The first expedition of the Academic institute of language and culture of the Sovnarcom of the Yakut ASSR. *Kunstkamera*. 2021, no. 1, pp. 105–117. DOI: 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-105–117. (In Rus.)
20. Ergis G. U. Essays on Yakut folklore. Moscow, Nauka Publ., 1974, 402 p. (In Rus.)
21. Levinton G. A. Vocabulary of Slavic epic traditions and the problem of reconstruction of the Proto-Slavic text. In: Text: semantics and structure. Executive editor T. V. Tsvyvan. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 152–172. (In Rus.)
22. Emelyanov N. V. Plots of olonkho about the defenders of the tribe. Executive editor V. M. Nikiforov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2000, 192 p. (In Rus.)
23. Propp V. Ya. Morphology of a fairy tale. Moscow, Labyrinth Publ., 2001, 144 p. (In Rus.)
24. Neklydov S. Yu. The poetics of epic narration: space and time. Moscow, Forum Publ., 2015, 216 p. (In Rus.)